

Капитанъ рѣшилъ иначе: опять пуститься на военную хитрость и ночью (а ночь была іюньская, слѣдовательно, свѣтлая) сдѣлать атаку и захватить крестьянъ врасплохъ. Звона колоколовъ онъ не боялся, языки съ нихъ были въ лагерѣ.

Такъ и было сдѣлано. Еще не забрезжилось на востокѣ, какъ рота бѣгомъ пустилась изъ оврага. Нужно было пробѣжать версты три. Но не успѣли солдаты сдѣлать и десяти шаговъ, какъ съ колокольни забалабонили всѣ колокола. Засимъ повторилась вчерашняя исторія. Крестьяне предстали предъ солдатами во всеоружіи.

Капитанъ былъ внѣ себя отъ ярости. Ловко задуманная имъ стратегія потерпѣла fiasco. А между тѣмъ онъ не предусмотрѣлъ весьма простаго обстоятельства—забравшіеся на колокольню часовые забили въ колокола топорами, молотками и т. п. орудіями. Вотъ вамъ и звонъ безъ языковъ.

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ капитанъ не рѣшился все-таки вступить въ открытый бой. Онъ потребовалъ изъ Курска подкрѣпленій. Прислали еще роту солдатъ, и тогда совершенно было усмиреніе вышедшихъ изъ повиновенія крестьянъ, причемъ, разумѣется, оказалось немало убитыхъ и раненыхъ. За усмиреніемъ послѣдовала военная экзекуція, и спокойствіе въ имѣніи Нашловой было восстановлено.

Вслѣдъ за тѣмъ крестьяне подали на свою владѣлицу и управляющаго жалобы: предводителю, исправнику, губернатору. Земскій судъ поручилъ произвести слѣдствіе своему засѣдателю Лакисову. Засѣдатель не спѣшилъ производствомъ слѣдствія, а когда его окончилъ, то передалъ въ уѣздный судъ, гдѣ оно застряло на нѣсколько лѣтъ... Между тѣмъ крестьяне подали жалобу въ сенатъ, и отъ сената былъ присланъ запросъ въ уѣздный судъ относительно медленности производства дѣла о Лобеевѣ... Судъ не спѣшилъ отвѣчать и сенату, и ждалъ, по старинному выраженію, «третьяго указа». Вотъ въ это-то время продѣлка съ крестьянками Лобеева дошла до свѣдѣнія государя Александра Павловича и вызвала высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы тогдашній курскій губернаторъ, помимо всѣхъ судебныхъ и административныхъ властей, лично произвелъ слѣдствіе о вырванныхъ у крестьянокъ зубахъ и результатъ слѣдствія представилъ въ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія. Губернаторъ дѣятельно взялся за слѣдствіе, самъ допросилъ всѣхъ, кто могъ дать по дѣлу тѣ или другія свѣдѣнія... О способѣ производства имъ слѣдствія можетъ дать понятіе то обстоятельство, что къ нѣкоторымъ свидѣтелямъ ночью являлись жандармы и сейчасъ же отправляли ихъ въ квартиру губернатора, гдѣ онъ самъ допрашивалъ и самъ записывалъ показанія. Такая исторія произошла съ мѣстнымъ священникомъ, который не пускалъ капитана въ ограду церкви. «Ночью на 15-е ноября,—писалъ онъ